

Владислав Толчев

В ПРОДОЛЖЕНИЕ "ЗАГАДОК ПРОВИНЦИИ"

В 1996 году издательство "Кузнецкая Крепость" выпустило в свет книгу "Загадки провинции: "кузнецкая орбита" Федора Достоевского в документах сибирских архивов", - с тех пор минуло пять лет и были подготовлены к печати еще две книги о "кузнецком венце" Достоевского, которые еще ждут своего спонсора.

В названных книгах подробно рассказывается, как именно "кузнецкая коллизия" Достоевского (женитьба на М.Д.Исаевой, соперничество с Н.Б.Вергуновым) отражено в его творчестве. А сегодня, увы, предлагаем читателю лишь весьма сжатое и неполное (ввиду ограниченных рамок и объема нашей статьи) изложение основных мотивов и линий в творчестве Достоевского 1857-1861 гг., связанных именно с "кузнецким венцом". В указанный период память об этом ярком событии "будоражит" Достоевского, как никогда, и он пребывает в мучительных сомнениях, насколько удачен и счастлив был его выбор 1857 года...

"Дядюшкин сон"

В "Дядюшкином сне", на наш взгляд, Достоевский прибегает к приёму, часто используемому и в последующем творчестве. Он "раздваивает" не только персонажи (одно и то же действительное реальное лицо - в разных прототипах), но и прототипы (то есть один и тот же персонаж мог отражать черты сходства самых разных "действительных" лиц). Вся интрига "Дядюшкиного сна" (опубликован в 1859 г.) - вокруг клубка любовных историй, что так напоминают коллизии собственной жизни Достоевского.

Все помыслы Ф.М. направлены к М.Д.Исаевой? Но кто же мог выступить в "Дядюшкином сне" тем героем, что "списан" с Исаев-

Исаевой? Только ли Зина? А Марья Москалёва? Заметим - иной раз своим героям Достоевский намеренно давал имена прототипов, так что - пример налицо? Тем более, что уже в завязке повести, на первых страницах, читаем, что "один заезжий литератор посвятил ей (то есть Марье Москалёвой, - авт.) свою повесть, которую и читал у неё на вечере, что произвело чрезвычайно приятный эффект", что не может не навеять некие аналогии: ведь Ма-

рия Исаева действительно была близка с "заезжим литератором", то есть с самим Достоевским, и он вполне мог читать ей, или при ней, свою повесть - например, еще не опубликованные "Записки из Мертвого дома"; эту версию уже выдвигали столичные литературоведы, касаясь семипалатинско-кузнецких дней Достоевского (2; 297).

"Лишился своего места за неспособностью и слабоумием..."

В чертах мужа Марии Александровны Москалёвой, Афанасия Матвеевича Москалева, вполне можно угадать первого супруга Исаевой - Александра Ивановича Исаева. Читаем:

"Все, например, помнят, как супруг её, Афанасий Матвеевич, лишился своего места за неспособностью и слабоумием, возбудив гнев приехавшего ревизора" (2; 297). Ведь Исаев тоже "лишился своего места за неспособностью", и, возможно, получил новое назначение не без участия тогдашних властей к его жене, которая производила впечатление благоприятное. Сходное место в "Дядюшкином сне": "...Он (Афанасий Матвеевич Москалев, - авт.) решительно недостоин принадлежать Марье Александровне; это всеобщее мнение. Он и на месте сидел единственно только через гениальность своей супруги". Всячески подчеркивалось, что муж при Москалёвой "лишь путается под ногами". Но ведь и для Достоевского А.И.Исаев, пока был жив - тоже как бы помеха... И для М.Д.Исаевой, наверное, был некоторым образом "в тягость",

если мешал ей отвечать взаимностью Достоевскому в полной мере... (2; 298).

Но черты Исаевой, конечно, угадываются более всего не в Марье Москалевой, а в Зине. "Зина не замужем, одною из главных (причин) считают эти темные слухи о каких-то странных её связях полтора года назад с уездным учителишкой - слухи, не умолкнувшие и поныне. До сих пор говорят о какой-то любовной записке, написанной Зиной, и которая будто бы ходила по рукам в Мордасове..." (2; 298). "Уездный учителишка" — это, конечно, учитель кузнецкого уездного училища Н.Б.Вергунов. Достоевский отзывается о нем довольно пренебрежительно. Но Вергунов жительствует в Кузнецке. И, значит, "город Мордасов" каким-то образом списан с Кузнецка?

"Недурен собою, франт..."

За Зину сватается также Мозгляков, "но вряд ли быть свадьбе. Что такое Мозгляков?.. Недурен собою, франт...". Но ведь и за Исаевой почти одновременно ухаживали Вергунов, Достоевский и еще "некто, не названный ею по фамилии, кто якобы сватался к ней из Томска (Мозгляков же в романе - тоже иногородний, но питерский). Само наличие сразу нескольких претендентов - показатель... (2; 299).

Забавно, что в "Дядюшкином сне" Достоевский "раздваивает" не только Исаеву (и даже Вергунова, как становится ясно при более близком знакомстве с текстом), но и самого себя. Ибо "заезжий литератор" - это, конечно, Достоевский. Но ведь и "Князь К." - тоже он. И тоже - "заезжий!" ("Князь провел в Мордасове только три дня"). Кому же неизвестно, что Достоевский к Исаевой "заезжал в Кузнецк", а у той в это время - сердечные дела с иными претендентами на руку и сердце? (2; 299). Так что дочь писателя Л.Ф.Достоевская, увидевшая в "Князе К." своего отца, была, конечно, права...

Умертвленный "учителышка"

Вергунов тоже "раздваивается". Его черты угадываются не только в "уездном учителишке" Васе, но и в Мозглякове. Совпадает возраст и "приятность" черт лица: "Ему двадцать пять лет (совпадение точное! - авт.). Манеры его были бы недурны, но он часто приходит в восторг и, кроме того, с большой претензией на юмор и оструту. Одет отлично, белокур, недурен собою... У него немного пусто в голове... Он искаатель руки... Зины, в которую, по его словам, влюблен до безумия..." (2; 303-304). Заметим: оба

героя, в которых "раздвоился" Вергунов - ищут благосклонности одной и той же дамы. И оба они кончают неудачно: "учителышку" Достоевский умртвляет (Вася совершают самоубийство из любви), Мозгляков же выглядит жалко и в конечной сцене перед дамой своего сердца выставляется полным ничтожеством. Так Достоевский разделяется со своим соперником: и даже не один раз, а как бы дважды.

Мозглякова Достоевский награждает именем Павел Александрович. Но ведь так зовут пасынка Достоевского - сына Марии Дмитриевны Исаевой, которого Достоевский не любил никогда. С самого детства, - вспомним, что еще не достигшего положенного возраста мальчика Достоевский пытается "сбыть" в военное учебное заведение, дабы не мозолил глаза "молодоженам", а в период, когда пасынок был еще подростком, Достоевский ведет с ним счет на равных, обвиняя во всевозможных "аморальностях". Видимо, были для Достоевского некие "знакомые" имена, которые он давал своим героям, когда описывал их с нескрываемым раздражением.

Предмет обожания

Исаева же для него покамест - предмет обожания (повесть началась сочиняться еще в "предбрачный" период). Это после она превратится в "бедную чахоточную идиотку"... Зиной - прототипом Исаевой - Достоевский любуется: "...Она хороша до невозможности... Её плечи и руки - античные, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного бледна: но зато её пухленькие алые губки, удивительно обрисованные, между которыми светятся, как нанизанный жемчуг, ровные маленькие зубы, будут три дня вам сниматься во сне, если хоть раз на них взглянете... Движения её свысока небрежны..." (2; 304).

Возможно, повесть поможет нам, нынешним, представить мотивы, по которым Исаева обнадеживала то Вергунова, то Достоевского, то неизвестного томича во время своего кузнецкого бытования. В характере Зины - мучить претендентов на её руку. Как это происходило? Из диалога с Мозгляковым: "... Повторяю Вам, - я еще не решилась и не могу вам дать обещание быть вашею жененою. Этого не требуют насильно, Павел Александрович... Я еще не отказываю Вам окончательно. Заметьте еще: обнадеживая вас теперь на благоприятное решение, я делаю это единственno потому, что снисходительна к вашему нетерпению и беспокойству... Я вам еще не отказываю, я говорю только: ждите..." (2; 308-309). Не в таких ли тонах Исаева подавала

надежды бедному Вергунову, ожидая чина, который вот-вот должен был получить Достоевский, чтобы брак последнего с Исаевой стал реальностью?

"Женился не я, а другой..."

А старый князь, в котором многие исследователи видят черты характера самого Достоевского? Ведь он - влюблён и переменчив, волочится за каждой юбкой ("Я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовал..."). И - разве не свойственна Достоевскому той поры постоянная готовность к новым романтическим всплескам? (2; 315).

Повесть, конечно, не копийная жизненная ситуация. Ибо вряд ли Достоевский своей женитьбой так же облагодетельствовал Исаеву, как старый князь - Зину, если бы проекты Марии Александровны сбылись. Мозгляков: "...Представьте себе, что он (князь) выберет девушку или, лучше, вдову, милую, добрую, умную, нежную, и, главное, бедную, которая будет ухаживать за ним, как дочь, и поймет, что он её облагодетельствовал, назвав свою женой...". Вдову? Но ведь вдовой была Исаева. И не проговорился ли в этом месте повести Достоевский? Не считал ли он, что своим браком Исаеву облагодетельствовал? И не ясны ли мотивы бракосочетания? ("будет ухаживать за ним, как дочь"). Исаева, однако, облагодетельствованной себя не чувствовала никак... (2; 316)..

"Муж в дверь – жена в Тверь..."

В повести находим некий переклик с письмами Достоевского. Например, в письмах, касающихся "кузнецкого узла", иногда встречаем такую фразу: "устроить судьбу свою", причем именно в контексте женитьбы. В "Дядюшким сне" "устроить судьбу" Зины пытаются с помощью князя. Однако "обустройства" не получилось – Достоевский князя умертвляет. Не напророчил ли писатель свое будущее "неустройство" с Исаевой? (2; 320). И не был ли он к этому готов морально, как бы виня ее в легкомыслии (ведь Исаева – возможный прототип и Марии Александровны, к которой несколько раз на протяжении повествования обращается князь с двусмысленной поговоркой: "Муж в дверь – жена в Тверь"). И получилось буквально: Достоевский – в Озерное (спустя несколько недель

после женитьбы!), а Вергунов – в Семипалатинск, поближе к Исаевой... (2; 318).

Впечатляет, что возраст Зины (23 года) Достоевский приравнивает к возрасту Мозглякова (по возрасту подходят), и Зина оказывается по крайней мере лет на пять моложе Исаевой. Почему Достоевский Исаеву "омолодил"? Не для того ли, чтобы подчеркнуть, что она – наиболее естественная пара именно Вергунову (Мозглякову)? (2; 320). Что, впрочем, вполне возможно, соответствовало действительности...

"Этот учитель уездного училища почти еще мальчик..."

Череду прелюбопытных "семейностей" продолжает явление некоего покойного "маленького брата" Зины. К нему, оказывается, "ходил учитель" (2; 322). Но ведь "ходил учитель" и к маленькому Паше - сыну Исаевой. И этим "учителем" был Вергунов. Пашу Достоевский недолюбливает - уже потому, очевидно, что он был вполне симпатичен Вергунову (коли последний занимался с ним уроками в домашней непринужденной обстановке). И посему - умертвить Пашу (в повести он назван "Митей")! И опять - "раздвоение личностей". Мы уже писали, что Мозглякова в своей повести Достоевский нарекает Павлом Александровичем - то есть выставляет его как бы полным тёзкой Павла Александровича Исаева, пасынка Достоевского. И с Мозгляковым, в конечном итоге, Достоевский тоже расправляется - судя по финальной сцене (да и не только по ней). Такое вот "кружение имён", которое касается и Исаевой, и её сына...

Вторая "ипостась" Вергунова, как уже было сказано - уездный учитель Вася. И Зинаида, если следовать тексту повести, собиралась одно время выйти за него замуж. Но замужество не состоялось. Устами Марии Александровны обстоятельства озвучены так: "...Этот учитель уездного училища, почти еще мальчик, производит на тебя (Зинаиду, то есть, - авт.) совершенно непонятное для меня впечатление. Я слишком надеялась на... его ничтожество... чтобы хоть что-нибудь подозревать между вами. И вдруг ты приходишь ко мне и решительно объяляешь, что намерена выйти за него замуж!.. Подумай: мальчик, сын дьячка, получающий двенадцать целковых в месяц жалованья, кропатель дрянных стишонков, которые, из жалости, печатают в "Библиотеке для чтения", и умеющий только толковать об этом проклятом Шекспире, - этот мальчик - твой муж... Ты продолжаешь с этим мальчиком сношения, даже свидания, но что всего ужаснее,

ты решаешься с ним переписываться. По городу начинают распространяться слухи... Уже обрадовались, уже затрубили во все рога... Он оказывается самым недостойным тебя... мальчишкой... и грозит тебе распространить по городу твои письма. При этой угрозе, полная негодования, ты выходишь из себя и даешь пощечину... Несчастный, в том же день, показывает одно из твоих писем негодяю Заушину... В тот же вечер этот сумасшедший, в раскаянии, делает нелепую попытку чем-то отравить себя. Одним словом, скандал выходит ужаснейший!.." (2; 322-323).

"Этот несчастный сейчас на смертном одре..."

И непонятно ли, что на "ничтожество" Вергунова надеялся сам Достоевский? И разве не Достоевский отговаривал Исаеву от брака с Вергуновым именно по мотивам незначительного жалованья и отсутствия общественного статуса? Что "касается "стишонков" уездного учителя, то наши находки в Томском архиве удивительным образом подтвердили, что Вергунов не был чужд творчества и даже просил напечатать некую статью свою в "Томских губернских ведомостях". Так что, возможно, его печатали - точно также, как и "учителя Васю". Вот только в отличие от Васи Вергунов не умирает. И, возможно, не отступается от Исаевой даже после её замужества. Хотя Достоевскому, если следовать канве, уготованной Васе в повести, так хотелось бы Вергунова увидеть на смертном одре (и ревность Достоевского - тому порукой): "Этот несчастный теперь на смертном одре; говорят, он в чахотке, а ты, - ангел доброты! - ты не хочешь при жизни его выходить замуж, чтобы не растерзать его сердца, потому что он до сих пор еще мучается ревностью..." (2; 323).

От чахотки, однако, прежде умирает не Вергунов, а Исаева, "ангел доброты" (впрочем, Достоевский, судя по всему, таковой в предсмертный ее час не считает). Так что чахотку "напророчил" собственной жене. И можно ли сомневаться, что именно ей - Исаевой, если тут же, в повести, поминает о "двуухлетнем страдании" героини, что копийно воспроизводит метания Исаевой меж претендентами в период 1855-1857 гг. (2; 324). Метания эти объясняются так: Исаева не по Вергунову страдала, а по неким "возвышенным идеалам" (и, стало быть, Вергунов не был лишен таковых?): "Ты любишь не его, этого неестественного мальчика, а золотые мечты свои, своё потерянное счастье, свои возвышенные идеалы". (2; 324).

"Ты вышла по расчету..."

Ну а что же Достоевский, сиречь "Князь"? Он, оказывается, на любовь в житейском понимании этого слова не способен. Следует ли это понимать так, что Достоевский и не мог иметь от Исаевой ребенка, а, может, и не хотел телесной близости? ("А с князем тебе притворяться нечего. Само собою, разумеется, что ты не можешь его любить... любовью, да и он сам не способен потребовать такой любви...") (2; 325).

Забавно, однако, что Достоевский в повести как бы предвосхищает собственную житейскую коллизию. Ведь брак с Исаевой во многом держался на расчете. Не те, совсем не те отношения были у Исаевой с Вергуновым. А посему - почему бы и не пожалеть Вергунова? Ведь ему можно намекнуть, что "ревность неуместна", потому что нет любви - а есть расчет. И вот - соответствующее место в повести: "Если ты, ангел доброты, жалеешь до сих пор этого мальчика, жалеешь до такой степени, что не хочешь даже выйти замуж (за Достоевского! - авт.)... то подумай, что, выйдя за князя (за Достоевского, за Достоевского! - авт.) ты заставишь его (Вергунова то есть! - авт.) воскреснуть духом, обрадоваться! Если в нем есть хоть капля здравого смысла, то он, конечно, поймет, что ты вышла по расчету, по необходимости..." (2; 325).

"Вечное пребывание в Мордасове..."

Интересно, понял ли Вергунов, что брак с Исаевой - расчет? И если понял - не оттого ли столь стремительно "ринулся" вслед за обвенчанными из Кузнецка в Семинадатинск? И тогда - не самое ли время пожалеть Достоевского? Тем более что: "Этот старик (князь то есть, сиречь Достоевский, - авт.) тоже страдал, он несчастен, его гонят". Еще бы: амплуа бывшего каторжанина не всем, наверное, было любо... (2; 326).

Впрочем, если Достоевский достоин жалости, то Исаева, выходя за него замуж, должна была радоваться неимоверно. Потому что с Вергуновым, уездным учителем - "нищета и всеобщее презрение". И, стало быть, Достоевский - благодетель. Он себя именно таковым и считал (вспомним его письмо, где он расписывал, как убеждал Исаеву в невыгодности брака с Вергуновым, и, стало быть, выступал для Исаевой неким Мессией). Читаем соответствующее место повести: "Брак твой (Исаевой, - авт.) с ним (с Вергуновым, - авт.) ...невозможен. Что ожидает вас обоих, если б вы теперь решились на такое безумство? Всегобщее презрение, нищета,

дранье за уши мальчишек, потому что это сопряжено с его должностью, взаимное чтение Шекспира, вечное пребывание в Мордасове (Кузнецк то есть, - авт.) и, наконец, его близкая, неминуемая смерть..."(2; 327). (Заметим, этот пассаж из повести - почти дословный сколок письма Достоевского к другу А.Е.Врангелю). Но до смерти Вергунова еще одиннадцать лет ("Дядюшкин сон" опубликован в 1859-м, а Вергунов скончался в 1870-м). Хотя кончина действительно оказалась близкой. Так что Достоевский, опять-таки - напророчил...

**"Всякий провинциал живет...
под стеклянным колпаком..."**

Как и чем Достоевский оправдывал влечениe Исаевой к "уездному учителишке", и - оправдывал ли? Недостатком опыта? Возможно. Читаем о кругозоре Зины (сиречь Исаевой): "Что она знает? Мордасов (Кузнецк! - авт.) да своего учителя! (Вергунова! - авт.)" (2; 334).

Но означает ли "провинциальность" житейскую неопытность, отсутствие чувственного опыта? Может, все обстояло как раз наоборот - провинция с ей одной свойственной спецификой обнажала все чувства до предела? Ведь тот же Достоевский пишет: *"Инстинкт провинциальных вестовщиков доходит иногда до чудесного, и, разумеется, тому есть причины. Он основан на самом близком, интересном и многолетнем изучении друг друга. Всякий провинциал живет как будто под стеклянным колпаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть от своих поченных сограждан. Вас знают наизусть, знают даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинциал уже по матуре своей, кажется, должен быть психологом и сердцеведом..."*(2; 336). Так стоило ли напрекать Исаеву "мордасовской" зацикленностью, если и в Мордасове (сиречь Кузнецке) можно испытать и глубины отчаяния, и настоящее чувство? А главное, обрести нешуточный житейский опыт...

**"Благородные слезы
всепрощающего его сердца..."**

Но самое впечатляющее место в "Дядюшном сне" - другое. А именно: Мозгляков (Вергунов) обсуждает возможность отъезда из Мордасова вслед за парой, которая собирается жениться (Достоевский и Исаева) (2; 354). Что это могло означать? То, что Достоевский предвидит тайное преследование и свидания Вергунова с Исаевой по пути в Тверь, куда Достоевский ве-

зет её в 1859-м году? Ведь повесть-то опубликуют весной, а отъезд будет летом. Или имеется в виду переезд Вергунова из Кузнецка в Семипалатинск в 1657 году, куда он отправляется вслед за обвенчанными Достоевскими? Ведь это тоже сколок "один к одному", нашедший место в повести.

Но каковы же мотивы Вергунова, приписываемые ему Достоевским? Мотивы низкие: *"Ему (Вергунову, Мозглякову, - авт.) мечталось торжественное объяснение с Зиной (Исаевой то есть, - авт.), потом благородные слезы всепрощающего его сердца, бедность и отчаяние... Любовь и умирающий князь (Достоевский - авт.), соединяющий их руки перед смертным часом. Потом красавица жена (Исаева, - авт.), ему преданная и постоянно удивляющаяся его геройству и возвышенным чувствам..."*(2; 362).

"Я просто был дрянь человек!..."

Ни Исаева, ни Вергунов Достоевского не переживут. Стало быть, зря беспокоился великий писатель... Так что - как бы провел Исаеву, которая в повести в образе Зины аттестуется как характер "чрезвычайно романтический", поскольку "начиталась этого дурака Шекспира с своим учителишкой", то есть с Вергуновым (2; 384)...

Достоевский растаптывает соперника на диво жестоко. Уездный учитель Вася провоцирует у себя чахоточный процесс, так что перед смертью он даже некрасив (как переживал, однако, Достоевский "красивость" Вергунова). Сцена умирающего уездного учителя - триумф Достоевского-соперника. На смертном одре Вергунов в повести Достоевского должен был согласиться с разумностью аргументов, выдвигаемых Достоевским в его письмах к Исаевой: мол, Вергунов Исаевой не пара, нищий, и Исаева, стало быть, могла попросту умереть с голоду. Вот исповедь уездного учителя: *"Я не мог даже того понять, что, выйдя за меня, ты, может быть, умерла бы с голоду. Куда, и мысли не было! Я ведь думал только, что ты выходишь за меня, за великого поэта (за будущего, то есть), не хотел понимать тех причин, которые ты выставляла (Исаева то есть, а на самом деле - Достоевский в своих письмах, - авт.), прося временить свадьбой, мучил тебя, тиранил, упрекал, презирал... Я просто был дрянь человек! О, как ты должна была презирать меня! Нет, хорошо, что я умираю! Хорошо, что ты за меня не вышла. Ничего бы я не понял из твоего пожертвования, мучил бы тебя, истерзал бы тебя за нашу бедность; прошли бы годы, - куда! - мо-*

жет быть, и возненавидел бы тебя, как помеху в жизни..." (2; 391). И опять удивительное, почти дословное совпадение с письмами Достоевского к Брангелю.

Помеха в жизни

Как же хотелось Достоевскому, чтобы Вергунов признал себя неправым! Но помехой в жизни, похоже, Исаева стала не Вергунову, а Достоевскому, - но об этом ниже...

Итак, - Достоевский Вергунова как бы засоно жестоко умертвил. Расправился не только с душой, но и с телом. Молодым, красивым телом: "Заметно было, что когда-то он (Вергунов то есть, которого Достоевский поместил на смертном одре, - авт.) был хорош собою; но болезнь исказила тонкие черты его красивого лица, на которое страшно и жалко было взглянуть, как на лицо всякого чахоточного или, вернее сказать, умирающего..." (2; 390).

"Она говорила, что не забудет его..."

Достоевскому страшно смотреть на лицо умирающего чахоточного? Исаева ведь тоже умрет. От чахотки. Так что описанные в романе "страхи" ему доведется наблюдать въяве. Впрочем, дабы не обременять себя неприятным зрелищем умирающей чахоточной, Достоевский два года перед её смертью будет развлекаться "в Европах...".

И что же Исаева? Как она ведет себя в столь исключительных обстоятельствах? Достоевский придумывает ей такую линию поведения: у смертного одра Вергунова она клянется в вечной любви: "Она говорила, что не забудет его и что никогда никого "не полюбит так, как его любила" (2; 393). И, стало быть, Достоевский уверен, что всю жизнь Исаева будет любить именно Вергунова? А с Достоевским она лишь - по расчету? Но тогда причины охлаждения меж ними - налицо...

У одра умирающего его возлюбленная находится всю ночь: "Целую ночь не отходила она от его постели" (2; 395). О, как напоминает это место повести соответствующий "кусок" воспоминаний Л.Ф.Достоевской, которая сообщала, что венчальную ночь Исаева провела не с женихом, а с Вергуновым. Но, может, это были только подозрения Достоевского? Подозрения, которые он выказывает (правда, в иной форме) уже в "Дядюшкином сне"? А дочери и второй жене подозрения выдает за данность?

"Болезнь головы"

И еще один странный сюжет. Мозгликов где-то на последних уже страницах повести предлагает Зине "обвенчаться где-нибудь в глупши, так что никто не увидит" (2; 394). В Мозгликове, как и в Васе, легко угадывается Вергунов. Но неужели до последней своей "венчальной" минуты Достоевский сомневался, не уведет ли Вергунов невесту прямо из-под венца и не обвенчается ли с ней "где-нибудь в глупши"? Впрочем, - предполагал же он измену Исаевой в венчальную ночь...

Прелюбопытен эпизод смерти князя. Достоевский умерщвляет самого себя. Но умирает он не так, как уездный учитель. Не от любви умирает. А от некой болезни, которая началась с воспаления желудка и "перешедшей (вероятно по дороге) в голову" (2; 395). Что истолковать можно так: по дороге от Кузнецка в Семипалатинск, сразу после венчания, с Достоевским приключился сильнейший припадок эпилепсии, напугавший и его, и Исаеву. После застолья в Кузнецке (священник Тюменцев поминает даже водку, так что "воспаление желудка", возможно - неслучайно) - "болезнь головы". Что весьма автобиографично и, главное, совпадает с реалиями "кузнецкого венца"...

Вещественный антураж

Обратим также внимание читателя на интерьер, т.е. на некий вещественный антураж, сопутствующий драматической коллизии, описанной в "Дядюшкином сне". Он вполне может пригодиться при оформлении "усадебной" экспозиции мемориала Достоевского, если лет этак через 100 к нашим предложениям создать в музее действительную "вещественную среду" середины XIX века прислушаются. Читаем: "Десять часов утра. Мы в доме Марии Александровны, на Большой улице, в той самой комнате, которую хозяйка, в торжественных случаях, называет своим салоном. У Марии Александровны есть также и будуар. В этом салоне порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои. В мебели, довольно неуклюжей, преобладает красный цвет. Есть камин, над камином зеркало, перед зеркалом бронзовые часы с каким-то амуром, весьма дурного вкуса. Между окнами, в простенках, два зеркала, с которых успели уже снять чехлы. Перед зеркалами, на столиках, опять часы. У задней стены - превосходный рояль... Около затопленного камина расставлены кресла, по возможности в живописном беспорядке; между ними маленький столик. На другом конце комнаты другой стол, накрытый

скатертью ослепительной белизны; на нем кипит серебряный самовар и собран хорошеный чайный прибор. Самоваром и чаем заведует одна дама..." (2; 203).

В другом месте поминаются "зал, оттуда коридор в... комнату, где стоят сундуки, развезшана кой-какая одежда и сохраняется в узлах черное белье всего дома", но это уже - не суть важно. Интересно другое. Воссоздание интерьера "Дядюшкиного сна", хотя бы схематичное - необходимо для лучшей "усвоемости" не только духа времени, но и некой легко угадываемой по вещам былого века эманации представленного в повестях и романах Достоевского "антуража"... (2; 319).

Думается, трансформация обустройства музейных "мемориальных" зданий как никогда - на повестке дня...

"Село Степанчиково и его обитатели"

"Село Степанчиково и его обитатели" - повесть "многослойная". При желании, конечно, можно и в ней угадать детали жизненных коллизий Достоевского периода ухаживания за Исаевой, - точно также, как и в "Дядюшкином сне".

Вполне возможно, что сам Достоевский в повести "раздваивается" (как уже сказано, "раздвоение" героев - излюбленный его приём). С одной стороны, некие автобиографические черты находим в Сергееве, с другой - в Фоме Фомиче Опискине. Разумеется, сходство весьма поверхностное.

Главный герой, от имени коего ведется повествование, Сергей, - заезжий человек, появившийся в Степанчикове, чтобы жениться как бы по расчету, под влиянием обстоятельств. Возможно, брак Достоевского с Исаевой тоже не лишен был подобных "обстоятельств" (хотя в романе предполагающийся брак Сергея так и не состоялся).

Определенное сходство с Исаевой обнаруживаем в Татьяне Ивановне - женщине "безненной", "с чем-то фантасмагорическим в характере" (3; 39). Её возраст - тот самый, что и у Достоевского в период ухаживания за М.Д. (35 лет), так что описывая её, Достоевский мысленно причисляет её себе в ровесники, в ровню (в "Дядюшкином сне" же героиня, напротив - ровесница Вергунова). Татьяна Ивановна внешне почти списана с Исаевой: "Лицо у ней было очень худое, бледное и высохшее, но чрезвычайно одушевленное. Яркая краска поминутно проявлялась на её бледных щеках, почти при каждом движении, при каждом волнении" (3; 44).

Намёк на непостоянство

Некие "сходства" с биографией Достоевского буквально рассыпаны по тексту. Так, главный герой Сергей с удивлением узнает о существовании отца у той, на которой должен был жениться: "Да ведь я думал, она сирота?" (3; 52). Но ведь, если верить "обыску брачному", Исаева и была сиротой: Достоевский с новобрачной скрыли существование отца у Исаевой привенчании. Совпадение?

По ходу повести обсуждается действительная или потенциальная связь Татьяны Ивановны как минимум с шестью мужчинами: дядей, Видоплясовым, Мизинчиковым, Сергеем, Обноскиным и Бахчеевым. Стало быть - некий намёк на непостоянство. Но ведь и Исаева тоже - непостоянна: имела связь с Достоевским при живом муже (вспомним намеки в письмах Достоевского, что, де, имел от неё "доказательства любви" еще при живом А.И.Исаеве), потом с Вергуновым и неким томичом...

"Способна завести амурное дело со всяkim встречным..."

Крайне впечатляет сцена увоза Татьяны Ивановны. Сцена похищения разрабатывается Мизинчиковым, но осуществляется Обноскиным. То есть происходит в повести как бы дважды: в планах и въяве. Мизинчиков уверен: "А если предложить ей увоз, побег, то она тотчас пойдет... Только бы выманить-то отсюда... Татьяна Ивановна способна завести амурное дело решительно со всяким встречным, словом, со всяким, кому только придет в голову ей отвечать" (3; 96).

Но ведь некая сцена "выманивания" Исаевой из Кузнецка разрабатывалась Достоевским еще в период её первого замужества. Из воспоминаний Врангеля следует, что Достоевский дважды ездил в Змиев, пытаясь выманить на встречу из Кузнецка Исаеву. И, стало быть, был заранее уверен в её непостоянстве и возможной измене первому мужу. И вот - сцена "выманивания" в повести состоялась. Хотя в жизни Достоевского, как известно, постигла неудача, причем дважды. Стало быть, Достоевский даже после весьма красноречивого уклончивого ответа Исаевой не обманывался насчет её "изменчивости", которая в повести называется не иначе, как сумасшествием...

Достоевский уверен в том, что Исаева была способна на тайные свидания? Читаем соответствующее место повести: "На вздохи, на записочки, на стишкы вы её тотчас приманите; а если ко всему этому намекнете на шелковую ле-

стницу, на испанские серенады и на всякий этот вздор, то вы можете сделать с ней всё, что угодно. Я уж сделал пробу и тотчас же добился тайного свидания... Ночью свиданье в беседке, а к рассвету коляска будет готова; я её выманю, сядем и уедем" (3; 97). Заметим: Достоевский говорит об Исаевой в своих письмах как о весьма романтической и даже экзальтированной особе...

"Несчастная мания этой девицы..."

Отражено в повести и некое беспокойство перед планирующейся свадьбой. Оно основано именно на непостоянстве "невесты". Но разве сам Достоевский не опасался до самого последнего момента, что Исаеву Вергунов может увести чуть ли не из-под венца? А посему в повести озвучено предложение: устроить свадьбу как можно быстрее, в три дня, что так похоже на скоротечность "венчальных" обстоятельств самого Достоевского. Читаем: "Привезу я её в благородный, но бедный дом... где до свадьбы её будут держать в руках и никого до неё не допустят... свадьбу уладим в три дня - это можно... Нужно не более пятисот рублей серебром на всю интермедию, и в этом я надеюсь на Егора Ильича: он даст, конечно..." (3; 97).

Перед свадьбой нужны деньги? Но разве мы не знаем, что Достоевский судорожно изыскивает необходимую сумму перед венчанием, полагаясь на Александра Егоровича Врангеля (имя коего, заметим, несколько сходно с поминаемым выше "Егором Ильичом", а ведь Достоевский любил иногда давать своим героям схожие имена).

В повести сообщается, что "венчальные" планы основываются почти исключительно "на слабоумии и на несчастной мании этой девицы" к мужскому полу (3; 98). Но кто поручится, что "в жизни" дело не обстояло точно также? И тогда - не понятны ли причины будущих размолвок и даже разрыва с Исаевой?

"Я с нею не буду жить вместе..."

Высказываются и весьма точные прогнозы. Так, в одном месте утверждается, что предполагаемый жених, перебравшись в Петербург, не собирался больше жить с новобрачной, и что такое положение вещей вполне должно было устраивать и его, и невесту. Но разве не то же самое произошло с Достоевским? Перебравшись в столицы, Достоевский об Исаевой так часто забывает... Читаем: "Натурально, я с нею не буду жить вместе. Она в Москве, а я где-нибудь в

Петербурге... Но что ж до этого, что мы будем жить врознь? Сообразите, приглядитесь к её характеру: ну способна ли она быть женой и жить вместе с мужем? Разве возможно с ней постоянство? Ведь это легкомысленнейшее создание в свете! Ей необходима беспрерывная перемена; она способна на другой же день забыть, что вчера вышла замуж и сделалась законной женой. Да я сделаю её несчастною вконец, если буду жить с ней и буду требовать от неё строгого исполнения обязанностей... Помоему, этоrationально: так бы и всем мужьям поступать. Мужья тогда только и драгоценны женам, когда в отсутствии" (3; 99).

Героиня способна забыть о муже на второй день после венчания? Но не получилось ли всё "один к одному" в жизни? Ведь, если верить Л.Ф.Достоевской, Исаева изменила писателю прямо в брачную ночь. А уж переезд Вергунова в Семипалатинск вслед за Исаевой и вовсе выглядит аргументом, как нельзя лучше подтверждающим и процитированное место "Села Степанчикова", и воспоминания дочери Достоевского.

"Доказательства любви"

В повести читаем также о некоем "ночном свидании в беседке", которое произошло еще до предполагающегося венчания (3; 100). Что так напоминает одно из мест в известном письме Достоевского, где он пишет, что имел "доказательства любви" Исаевой задолго до венчания. И не на этой ли "нутряной" уверенности в изменчивости героини основаны опасения, что, возможно, придется "возвращать... невесту, которая бежала из-под венца", что "будет уж слишком зазорно"? (3; 100). Потому, что Исаева, если верить Л.Ф.Достоевской, бежала если не из-под венца, то уж "после венца" - это точно, ибо Достоевского - не любила...

Как уже сказано, на руку Татьяны Ивановны - несколько претендентов (в том числе дядюшка Егор и племянник Сергей). Забавна сцена между дядей и племянником. Обсуждается брак с Татьяной, причем шафером на бракосочетании дядя должен быть племянник. То есть вырисовывается некая схема: два соискателя руки и сердца распределили "обязанности" - один венчается, другой - "шаферуется". Но ведь и Вергунов был на свадьбе Достоевского шафером! И если в повести "شاфер" откровенно называет "невесту" сумасшедшей (3; 110), то не значит ли это, что тема "сдвинутости" Исаевой Достоевским и Вергуновым живо обсуждалась?

Достоевский не раз опасался за рассудок Исаевой. Но разве не те же опасения - в "Селе Степанчикове"? Читаем: "...Дура она... капитальная дура... сизмалетства на купидоне помешана!.. От природы характера веселого, восприимчивого в высшей степени и легкомысленного... Татьяна Ивановна (Исаева сиречь! - авт.) стала желтеть и худеть, сделалась раздражительна, болезненно-вооприимчива и впала в самую неограниченную, беспредельную мечтательность, часто прерываемую истерическими слезами, судорожными рыданиями... Рассудок её уже начинал слабеть и не выдерживать приемов этого опиума таинственных, беспрерывных мечтаний..." (3; 119-120).

Странные совпадения

В романе "легкомысленная" героиня Достоевским умерщвлена. В жизни Исаева, впрочем, тоже ведь была некоторым образом Достоевским убита, хотя бы неоказанием ей своевременной помощи - переездом в Европу на летние месяцы, что так живительно могло бы отозваться на её здоровье, подорванном туберкулезом. Однако удивляет другое. Совпадение дат. В эпилоге Достоевский сообщает, что героиня умерла "три года назад" (3; 167). Притом, что именно в эпилоге описываются события, произошедшие якобы через восемь лет после основной канвы фактов, изложенных в повести. Значит, героиня скончалась через пять лет после "основных" событий. Произведем небольшой подсчет. Повесть увидела свет в 1859 году - а Исаева умерла в 1864-м. То есть ровно через пять лет. Совпадение? "Провидческий" гений Достоевского? Возможно.

Но еще интереснее другое. Дело в том, что в изданиях 1859-го и 1860-го годов, в которых печаталось "Село Степанчиково", было написано так: "умерла скоропостижно три года назад". Но в издании 1866-го года (когда Исаевой уже нет в живых) слово "скоропостижно" вычеркнуто (3; 456). Именно это издание, как правило, и лежит в основе современных переизданий "Села Степанчикова".

Однако зададимся вопросом: почему Достоевский в 1866 году, после смерти Исаевой, вычеркивает из повести слово "скоропостижно"? Не потому ли, что Исаева умирала мучительно и долго, то, есть как раз не скоропостижно. И, значит, перед нами - одно из наиболее убедительных доказательств, что героиня повести Татьяна Ивановна была списана как раз с Исаевой. И, стало быть, Исаева действительно была, по мнению Достоевского, "помешанной на купидоне",

"сумасшедшей", ветреной, и брак с ней в общепринятом смысле был невозможен, так что Достоевский заранее знал, что не будет жить с Исаевой в столицах, и брак с нею действительно был расчетом?

Обратим также внимание на интерьер в повести - на случай, если идея "усадебной" экспозиции мемориала Достоевского найдет когда-нибудь понимание и поддержку. Читаем: "...Свежие, красивые обои на стенах, шелковые пестрые занавесы у окон, ковры, трюмо, камин, мягкая, щегольская мебель... Горшки с цветами стояли на окнах и на мраморных круглых столиках перед окнами. Посреди кабинета находился большой стол, покрытый красным сукном, весь заложенный книгами и рукописями. Прекрасная бронзовая чернильница и куча перьев..." (3; 130).

"Маленькие герой"

Следующее произведение, на которое мы нарочно обращаем внимание читателя - "Маленький герой". Рассказ из "ранних", давнишний, но в 1860 г. Достоевский его переиздёт, причем изъяв из него обширное предисловие. Сам рассказ написан в 1849 г., опубликован в 1857 г. в "Отечественных записках" и переиздавался при жизни Достоевского дважды: в 1860 и 1866 гг. (2; 505-506). Вводная часть рассказа построена в виде некоего обращения к слушательнице - Машеньке. Достоевский не скрывает нежной привязанности к Машеньке - называет её самыми ласковыми словами: "птичкой испуганной", "резвушкой", поминает о её "точеных пальчиках", "полузакрытых глазах", "звонком смехе, сорвавшимся с твоих губок"; о "губках наших маленьких, надутых с досады", о "твоих горячих губках, так бегло и нетерпеливо лепетавших твои желания", о "шаловливой головке твоей" и т.д. Сама эта довольно любопытная преамбула придавала рассказу некий шарм и как бы готовила читателя к его восприятию.

И вот вся преамбула - перечеркнута. Почему? Не потому ли, что после семипалатинских размолвок с "Машенькой", но теперь уже - М.Д.Исаевой (о которой в 1849 г., конечно, Достоевский еще и ведать не ведает) само это имя Достоевскому слух уже отнюдь не ласкает, а посему - убрать преамбулу, дабы родственники и друзья ненароком не подумали, что это он о своей жене так ласково пишет. Ведь чувства к Исаевой уже совсем не те, что в венчальную пору - он тяготится её общением и, возможно, стыдится. А вдруг ненароком рассказ с "опасной" преамбулой прочтет какая-нибудь его новая возлюбленная и вообразит, что Достоевский Исаев-

ву - любит? То же самое нужно сказать и про переиздание рассказа в 1866 г. Исаевой уже нет в живых и Достоевскому, возможно, было бы неприятно, если бы кто-либо из знакомых мог подумать, что истеричная больная женщина - прообраз той Машеньки, о которой столько ласковых слов сказано в начале рассказа. А то, что с мнением света Достоевский считается – кому же неизвестно... (2; 455-458).

"Весенняя любовь"

Приблизительно в то же время, в 1859-1860 гг., у Достоевского рождается замысел (неосуществленный) произведения под названием "Весенняя любовь", в котором такжеходим переклики с "кузнецким венцом". Существовало четыре варианта первоначального плана "Весенней любви". В них фигурирует некий князь "и его пришлепник, будущий писатель". В комментариях к ПСС выдвигается предположение (вполне, на наш взгляд, обоснованное), что в князе угадываются черты барона Врангеля, а в "будущем литераторе" - самого Достоевского (3; 539). Вся интрига "Весенней любви" закручивается вокруг дамы, которая подает надежды и князю, и литератору, и некоему чиновнику. "Литератор первый имел её" и "имел с ней переписку, писал ей письма, уговаривал не выходить за чиновника", что так напоминает обстоятельства жизни самого Достоевского: если Вергунова принять за чиновника училищного ведомства (ведь учителя - люди "государственные"), то всё сходится - Достоевский писал и Исаевой, и Вергунову, и умолял последнего отказаться от Исаевой, причем имел некие "доказательства" преданности Исаевой задолго до женитьбы.

Между вариантами есть некоторые отличия. В частности, привлекает внимание, что в четвертом варианте "она литератору не отдалась, а он просто наклеветал (об этом) князю" (3; 444). Но, может быть, Достоевский тоже – "наклеветал Врангелью" о тех самых двусмысленных "доказательствах любви", которые он якобы имел от Исаевой еще при первом её муже? Не саморазоблачается ли тут Достоевский?

И, наконец, еще одно место. Упомянутый "чиновник" берет взятку (3; 446). Но ведь обустройство переезда Вергунова из Кузнецка в Семипалатинск и хлопоты о его чине, в которые втягивается не только Достоевский, но и Врангель, тоже можно расценивать как взятку: отступись от Исаевой и получишь и чин, и повышение, и жалованье.

По ходу плана то и дело мелькает "обещание жениться", обсуждается первенство облада-

ния "многоспорной" дамой, которая называется "опозоренной".

Неравнодушная барыня

Рядом с планом "Весенней любви" - другой, на той же странице черновика, написанный в ноябре 1859 г. - всего несколько строк. Но они касаются некоего "учителя" и неравнодушной к нему "барыни" (3; 447). И, стало быть, опять - отголоски "кузнецкой драмы"?

Явное наличие в набросках 1859-1860 гг. как прототипов не только Вергунова, но и Врангеля заставляет задуматься. Потому что известно, что "выманивать" Исаеву из Кузнецка для встречи в Змиеве (это при живом-то муже!) ездил не только Достоевский, но и Врангель. Что по меркам той поры не считалось, конечно, благовидным. Они вместе участвовали в ловко закрученной интриге вокруг Исаевой, вот только роль Врангеля, по прочтении набросков 1859 г., а также некоторых мест "Села Степанчикова", если и угадывается, то далеко не явственно: ограничивалась ли она только покровительством Исаевой и Достоевскому, на чем настаивает сам Врангель в своих воспоминаниях, или он, как человек неженатый - тоже участвует в "первенстве за обладание"? Загадка...

"Униженные и оскорбленные"

Реалии "кузнецкого венца", несомненно, в той или иной мере отражены и в "Униженных и оскорбленных". Главный герой романа - литератор, воспылавший любовью к даме, чьи помыслы заняты соперником литератора, что напоминает треугольник Достоевский-Исаева-Вергунов, причем в эпилоге литератор всё же торжествует, ибо соперник его по сложившимся обстоятельствам из борьбы выбывает. Так что схема отношений Достоевского, Исаевой и Вергунова в самых общих чертах, как будто, соблюдена.

У героини, Наталии - две разновидности любви: любовь "безумная, сумасшедшая" (наиболее "чувственная") - к Алёше, и другая - "еще большая" (потому что не только любовь, но и - дружба) к литератору. Эти две разновидности не только существуют в Наташе, но и - борются. "Ваня, послушай, - обращается она к литератору, - если я и люблю Алёшу как безумная, как сумасшедшая, то тебя, может быть, еще больше, как друга моего, люблю. Я уж слышу, знаю, что без тебя я не проживу; ты мне надобен, мне твоё сердце, надобно, твоя душа золотая..." (3; 197). Нечто подобное встречаем в письмах Достоевского периода его ухаживания за Исаевой и её

"раздвоенной" любви к Вергунову и Достоевскому одновременно.

Мотив возможного тайного венчания кочует у Достоевского из романа в роман. Но - разве не боялся он, что Вергунов уведет невесту из-под самого венца? Нечто сходное - в словах Наташи, обращенных к литератору Ивану: "Он (Алёша, - авт.) ведь для того меня и зовет теперь, чтоб завтра же обвенчаться потихоньку..." (3; 200).

"Мы будем жить втроем..."

Из писем Достоевского мы знаем, что отношения внутри треугольника были на первый взгляд противоестественными: Достоевский предлагал Вергунову братство и дружбу. Аналогичное место в романе: "Да, да, Алёша, - подхватила Наташа, - он (литератор Иван, - авт.) наш, он наш брат, он уже простил нас, и без него мы не будем счастливы. Я уже тебе говорила... Ох, жестокие мы дети, Алёша! Но мы будем жить втроём..." (3; 202).

Соперник литератора, Алёша - не чужд литературных занятий. Но ведь и Вергунов тоже писал - мы это знаем наверняка из его же собственных сохранившихся писем, - и надеялся на публикацию статей своих даже в губернской газете. Читаем в романе: "Я (Алеша, - авт.) хочу писать повести и продавать в журналы, так же как и вы (литератор Иван, - авт.). Вы мне поможете с журналистами, не правда ли? Я рассчитывал на вас и вчера всю ночь обдумывал один роман, так, для пробы, и знаете ли: могла бы выйти премиенькая вещица..." (3; 204). И, кто знает, - не советовался ли Вергунов с Достоевским и не рассчитывал ли на его связи, когда хотел напечататься в "Томских губернских ведомостях"?

Это некое подобие "взаимопомощи" внутри треугольника заставляет задуматься, потому что было не только в романах, но и въяве. Достоевский, похоже, какое-то время действительно находился на модных тогда позициях "свободы чувств", "свободы в любви". В начале 1860-х у Достоевского - период полной готовности к новым романтическим приключениям. Отнюдь не случайно Алёша мечется меж двумя избранницами, Наташей и Катей: "Я бы, - говорит он о них, - свёл вас обеих вместе, а сам бы стоял возле да любовался на вас..." (3; 243). Но - не то же ли самое наблюдалось и в жизни писателя той поры? Он привязывается душой то к одной женщине, то к другой, и всё это - при живой еще жене, и потому это вдвойне мучительней?

"В чахотке и померла..."

В романе, впрочем, наблюдается даже не треугольник, а четырехугольник, в который умещаются два треугольника. И в этом "четырехугольнике" сразу двоих любят не только Наташа, но и Алёша. Наташе он говорит: "Мы будем все трое любить друг друга, и тогда..." - и тут фраза прерывается "восклицанием" Наташи: "А тогда и прощай!" - потому что для Наташи и Алёши, для каждого в отдельности - свой треугольник, с одной несовпадающей точкой (3; 244). А ведь треугольник Исаева-Достоевский-Вергунов, если верить Л.Ф.Достоевской, существовал едва ли не до 1864 г., и, стало быть, на момент 1860 г., когда писались "Униженные и оскорблённые", он накладывался на другой треугольник: Достоевский-Исаева-Шуберт.

Исаева угадывается как минимум в трех "женских" персонажах (Достоевский опять "раздваивает" прототипы героев!). Мать Нелли, конечно, вполне могла быть списана с первой жены Достоевского. Аттестуется она в романе так: "А словно из иностранок каких-то, приезжая... да больная такая; в чахотке и померла..." (3; 260). Но ведь и Исаева - чахоточная, и тоже, в некотором смысле, - "из иностранок" (потомица мамелюка, как невежливо пишет о ней Л.Ф.Достоевская), и, заметим, тоже всю жизнь считалась "приезжей", и часто меняла место жительства. Но всё это --чисто внешние черты сходства. Потому что главное - в другом. Героиня была обманута и считала себя пострадавшей вследствие одной нелепецких любовной коллизии. Но разве Исаева, которая так и не стала с Достоевским счастливой - не считала себя страдалицей?

"Сапоги в дырях"

Первый брак писателя не сделал счастливым ни его самого, ни Исаеву, ни Вергунова... Не оттого ли Достоевский так часто возвращается в своих романах к событиям 1857 года? Черты Вергунова - в другом "несчастном" персонаже, Маслобоеве. Из его исповеди: "Я хоть и в саже, да никого не гаже. И в доктора поступал, и в учителя отечественной словесности готовился, и об Гоголе статью написал... и жениться собирался - жива-душа калачика хочет, и ОНА соглашалась... Я было уж к свадебной церемонии и сапоги крепкие занимать хотел, потому у самого были уж полтора года в дырях... Да и не женился..." (3; 265). Но ведь и Вергунов - в учителях был, и сапоги у него, образно выражаясь - "в дырях", и жениться он "собирался", и Исаева "соглашалась", да - "не женился". Но каково, ка-

ково же было Исаевой угадывать в очередном романе Достоевского своего бывшего возлюбленного? Ведь даже такую малость, как стремление Вергунова печататься ("статья о Гоголе") Достоевский не упускает. И, стало быть, Исаеву терзает - сводит счеты не только с Вергуновым, но и с ней. И - умерщвляет её, еще живую, но чахоточную, - ведь мать Нелли от чахотки-таки в романе скончалась. И как бы зовет её смерть. Ждать, в самом деле, оставалось недолго...

Доля симпатии

Впрочем, в Маслобоеве с легкостью находим и черты первого мужа Исаевой Александра Ивановича - человека благородного, но - выпивохи. Из "философии жизни" Маслобоева: "Ну, так... я, вот что скажу: пить лучше! Я вот напьюсь, лягу себе на диван (а у меня диван славный, с пружинами) и думаю, что вот я, например, какой-нибудь Гомер или Данте, или какой-нибудь Фридрих Барбарус..." (3; 266). Персонаж, однако, написан с известной долей симпатии...

Крайне занятен образ четырнадцатилетней Нелли - юной Лолиты, влюбленной в героя-литератора. Достоевский вообще был неравнодушен к "детским личикам". В романе отражена его готовность полюбить женщину-девочку. Таковой, как известно, и станет для него Анна Григорьевна Сниткина. Исаева в романе как бы умерщвляется, и ей подыскивается своеобразная замена. Литературные коллизии повторятся в жизни...

Конечно, в жизни "Лолита" несколько отличалась от того идеала, который - в романе. Свою будущую избранницу Достоевский рисует себе так: "... Она с такою любовью взглянула на меня... Всё это утро она смотрела на меня таким... нежным взглядом и казалась такою веселенькою, такою ласковою, и в то же время что-то стыдливое, даже робкое было в ней, как будто она боялась чем-нибудь досадить мне, потерять мою привязанность и... слишком высказаться, точно стыдясь этого... Мне тоже было и смешно как это... сладко. Но она ни за что не хотела поднять ко мне голову, и когда я стал было отрывать её личико от моего плеча, она всё крепче приникала к нему и всё сильнее и сильнее смеялась..." (3; 324-325). Анна Григорьевна много позже, в своем дневнике подчеркнет, что Достоевский любил в ней именно некоторую детскость. И, возможно, в мечтах своих воображал свои встречи с "невинными созданиями" уже в пору угасания Исаевой...

Анатомия любви

Крайне занятны рассуждения об *анатомии любви*, то есть о её мотивах. Любовь Наташи к Алёше - это, оказывается, *любовь из жалости*: "Она, может быть, полюбила его - как бы это сказать?.. Как будто из какой-то жалости. Великодушное сердце может полюбить из жалости..." (3; 350). Мог ли Достоевский знать, что такое *любовь из жалости*? Ведь Исаева тоже могла полюбить его, *жалеючи*, как бывшего каторжника. И могла ли быть такая любовь *счастливо*? В романе находим ответ отрицательный: "*жалостливая*" любовь Наташи к Алёше счастья не приносит. "Они не могут быть счастливы," - уверяет Катя (3; 350).

Обсуждается и некая степень любви. Оказывается, любить можно больше и меньше: "Ведь он (Алеша, - авт.) совсем её (Наташу, - авт.) перестал любить, а меня (Катю, - авт.) всё больше и больше любит... Он сам не знает, что перестает любить, а она наверно это знает. Каково же она мучается!" (3; 351). И - не об Исаевой ли это написано? В 1861 году любви уже нет, она это знает; и не просто мучается - ненавидит, грозит портрету Достоевского кулаком, проклинает его и называет бесчестным каторжником. Все эти "свежие" переживания 1860-1861 г. г. должны были в "*Униженных и оскорблённых*" отразиться. И - отразились...

Африканские страсти

Но каков рецепт от несчастья и нелюбви? В романе содержится пояснение: "Если они будут несчастливы, так ведь им лучше разойтись... Ведь вы его любите больше всего, а потому и счастье его должны любить больше своего; следственно, должны с ним расстаться" (3; 352). Достоевский тяготится Исаевой и как бы убеждает её в литературной форме в разности жизненных и чувственных векторов, настаивая на разлуке. В жизни, как известно, так и случится: Достоевский часто оставляет Исаеву одну, а летом 1862 и 1863 гг. совершает круиз по Европе в одиночку. Всё сбылось, - "как в романе". Впрочем, разлуки были и раньше (вспомним поездку Достоевского в Озерное в 1857 г. на два месяца, спустя несколько недель после венчания!). А потому отъезд Алёши в деревню, то есть бегство от Наташи, - это тоже, что называется, "*жизненно*".

Имеется в романе и некий сюжет с "африканскими страстями". "Сластолюбивой африканкой", как известно, называла Исаеву

Л.Ф.Достоевская - очевидно, со слов самого писателя. И вот сюжет о женщине "грозной и сладостолюбивой". И возраст её - тот самый, когда Исаева встречается с Достоевским. Отношения с любовником - тайные (но ведь и Достоевский имел "доказательства любви" от Исаевой еще при живом муже - и тоже, стало быть, неафишируемые!). Читаем: *"Был я знаком когда-то с одной барыней; была она не первой молодости, а так лет двадцати семи-восьми (так! - авт.); красавица первостепенная, что за бюст, что за осанка, что за походка! Она глядела пронзительно, как орлица, но всегда сурово и строго; держала себя величаво и недоступно. Она слыла холодной, как крещенская зима, и запугивала всех своею недосягаемою, своею грозною добродетелью... И что ж? Не было развратницы развратнее этой женщины, и я имел счастье заслужить вполне её доверенность. Одним словом - я был её тайным и таинственным любовником. Сношения были устроены до того тонко, до того мастерски, что даже никто из её домашних не мог иметь ни малейшего подозрения... Барыня моя была сладострастна до того, что сам маркиз де Сад мог бы у неё поучиться... Да; это был сам дьявол во плоти, но он был непобедимо очарователен. Я и теперь не могу припомнить о ней без восторга. В пылу самых горячих наслаждений она вдруг хохотала, как иступленная, и я понимал, вполне понимал, этот хохот и сам хохотал. ..."* (3; 363-364).

"Я даже люблю потаённый, темный разврат..."

Воистину, - "африканские страсти". И как это похоже на аттестацию Исаевой в воспоминаниях Л.Ф.Достоевской! Впрочем, сама готовность Достоевского к известным романтическим всплескам первой половины и середины 1860-х годов тоже ведь никогда не выглядела "невинно". В пору сочинения "Униженных и оскорблённых" к новым "романам въяве" Достоевский уже готов: "Но главное, главное - женщины... и женщины во всех видах; я даже люблю потаённый, темный разврат, постраннее и оригинальнее, даже немножко с грязнотцой для разнообразия..." (3; 365). Что ж, "разнообразие" в жизни Достоевского в 60-е годы действительно - наблюдалось...

Роман "Униженные и оскорблённые" начал писаться в сентябре 1860 г. То есть в тот самый месяц, когда Достоевский расстается на зиму, с Исаевой, сам остается в Петербурге, а её отправляет в Москву. Поэтому метания героя

романа между двумя соперницами в "Униженных и оскорблённых" приобретают особенное звучание: "Я прямо сказал, что люблю очень Катю, но что как бы я её ни любил, и кого бы я ни любил, я все-таки без неё, без Наташи, обойтись не могу и умру... Дня не проживу без неё, я это чувствую, да!.. Что же касается до Кати, то, что ж такое! Я ведь не могу жить без Наташи...". Поминается в романе и некий отъезд героини, (Кати), на полтора месяца, что вызывает муки беспокойства её партнера по "душеметательной" ситуации (3; 390). Но ведь тема отъезда - на слуху. Исаева-то уехала, и Достоевский остался один. И никакой другой отъезд не мог в период работы над "Униженными и оскорблёнными" волновать его настолько, чтобы быть запечатленным в кульминационных сценах развязки, написанных не только волнительно, но и очень лично.

"Чтоб я высоко поставил себя в литературе..."

Разлука для Достоевского - не только испытание, но и известное облегчение. Исаева до некоторой степени рассматривалась им как помеха его творческим исканиям. Не случайно к "Униженным и оскорблённым" он приступает только после её отъезда в Москву. В романе отражена тоска не только по чистой детской любви (так не похожей, однако, на "африканские страсти" Исаевой в описании Л.Ф.Достоевской!), но и по женщине-сопатнице, разделяющей его литературные вкусы и вникающей в его творческие планы. Исаева на соратницу не походила никак. А посему в романе он как бы подыскивает ей замену. Читаем: *"Я замечаю, что Наташа в последнее время стала страшно ревнива к моим литературным успехам, к моей славе. Она перечитывает все, что я в последний год напечатал, поминутно расспрашивает о дальнейших планах моих, интересуется каждой критикой, на меня написанной, сердится на иные и непременно хочет, чтоб я высоко поставил себя в литературе..."* (3; 426). В эпилоге литератор Иван и Наташа сближаются настолько, что оба приходят к выводу о счастливости их союза. Брак же с Исаевой Достоевский не считал счастливым. Не потому, ли, что Исаева была рождена, быть может, для любви и страстей, но отнюдь не для исполнения секретарских и референтских обязанностей при писателе-муже? По сути, в "Униженных и оскорблённых" едва ли не впервые наиболее четко улавливается отражение фатальной несовместимости двух сильных, но противопо-

ложно заряженных натур, а также потаённое желание встретить "прямо противоположную" спутницу жизни...

"Ее ангел превратился в грязь..."

Мотивы отъезда Исаевой известны: петербургский климат ей, чахоточной, был вреден. Но климат, конечно, - лишь повод, фактически же дело обстояло так, что Достоевский с Исаевой, очевидно, уже вполне могли обходиться друг без друга. Кто был инициатором разрыва? Не Исаева ли, как натура более эмоциональная и подверженная раздражительности вследствие опасной и смертельной болезни? В романе находим место, в котором говорится о подобном разрыве отношений, причем нарочито подчеркивается, что инициатором оного выступает "романтическая и безумная душа", обманутая и чуть не сошедшая с ума женщина "в чахотке - эта болезнь особенно развивает озлобление и всякого рода раздражения". Есть и некая "история вопроса": *"С самого начала она мечтала только о чем-то вроде неба на земле и об ангелах, влюбилась беззаветно, поверила безгранично, и, я уверен, с ума сошла потом не оттого, что он её разлюбил и бросил (а ведь Достоевский, по сути, бросил Исаеву, отправляя её на несколько месяцев в Москву – авт.), а оттого, что в нем она обманулась, что он способен был её обмануть и бросить (вспомним, Исаева называла Достоевского "нечестным каторжником"! – авт.); оттого, что её ангел превратился в грязь, оплевал и унишил её. Её романтическая и безумная душа не вынесла этого превращения... Она разорвала все связи... чтобы подавить своего обманщика душевным величием, чтобы... иметь право всю жизнь презирать его, и тут же, вероятно, сказала, что бесчестием себе почтает называться и женой его..."* (3; 437-438).

Но ведь Исаева уже больна, не только чахоткой, но и нервным недугом. О том, что она считала Достоевского бесчестным - тоже известно. И тогда - насколько автобиографичны были "Униженные и оскорбленные"?

"Записки из Мертвого дома"

Почти в одно время с "Униженными и оскорбленными" издаются "Записки из Мертвого дома". Казалось бы: описываемые "каторжные" события никоим образом не касаются отношений с Исаевой. Но ведь "Мёртвый Дом" писался именно в "исаевскую" пору, и, стало быть, отражение любовной коллизии Достоевский-Исаева-

Вергунов в "Записках" вполне может наличествовать.

Обратимся к тексту "Записок". Повествование ведется от лица Александра Петровича Горянчикова, "родившегося в России дворянином", "потом сделавшегося ссылкокаторжным", в чем без труда угадываются факты биографии самого Достоевского. Далее сообщается, что Горянчикову "лет тридцать пять", и что он "убил жену свою еще в первый год своего супружества, убил из ревности" (4; 6).

Но ведь Достоевский венчается с Исаевой именно в возрасте 35 лет. И его "венчальная" коллизия тоже связана с ревностью. Желание же "умертвить" (конечно, только на бумаге - Достоевский часто прибегает к этому приему, описывая те прототипы, которые ему не очень "к душе") Исаеву, после свидетельств Л.Ф. Достоевской (пусть даже и несколько преувеличенных, но - "дыму без огня не бывает") вполне понятно. Ведь, похоже, охлаждение к Исаевой началось сразу после венчания, то есть - "в первый год своего супружества", как и у героя "Мертвого Дома", так что некая параллель с биографией Достоевского - налицо.

"Ребенок лет десяти..."

Как-то вскользь поминается и больная чахоткой дама, у которой - "ребенок лет десяти", причем некто приходящий учит этого ребенка чтению. Но ведь и Исаева - в чахотке, и у неё тоже - ребенок, приблизительно того же возраста, которого также обучает некто приходящий - то есть Вергунов (4; 7).

Все эти совпадения далее в тексте "Записок" не развиваются, начатая было линия внезапно обрывается (в сочинениях Достоевского такое встречается часто), так что они действительно кажутся случайными. Но - были ли таковыми на самом деле? Находим же мы в девятой главе некую любовную историю, весьма схожую с той, о которой сообщалось в письмах Достоевского еще в 1856 году. Напомним: некий пожилой, но богатый томич сватается к Исаевой в попытке ухаживания за ней и Достоевского, и Вергунова. В "Записках" – любопытная аналогия: богатый и пожилой претендент сватается. Многоспорная дама мечтается: она любит простого солдата, но, желая обеспечить свою будущность, склоняется к браку с "богатым и пожилым". Но ведь в 1856 году, когда Исаева присматривается к "богатому томичу", Достоевский тоже пока солдат, хотя осенью будет воспроизведен в унтер-офицеры. Однако - странное дело - и в "За-

"писках" солдат дослуживается до унтера ("Ну, что толку за солдата выйти, хотя б я и унтер?"). В конце концов "богатый и пожилой" герой зверски умертвляется: Достоевский, как уже было сказано, любил весьма жестоко расправляться со своими соперниками в романах). Но и в жизни Достоевский "богатого томича" как бы побеждает. И маловажно, что в "Записках" означенный "победитель" попадает на каторгу после "победы", тогда как в жизни сначала была каторга, а потом - победы над соперниками. Главное - в ином: "треугольник" по-прежнему волнует Достоевского, и своих переживаний 1855-1857 гг. он не забывает (4; 100-103).

"Я никогда не мог хладнокровно смотреть на сумасшедших..."

В "Записках", возможно, находим объяснения самой несчастливости первого брака Достоевского, весьма отличные от тех, которые дает его дочь в своих скандальных воспоминаниях. Читаем: "Я никогда не мог хладнокровно смотреть на сумасшедших" (4; 159). Но ведь Исаева часто находилась на грани умопомешательства, и, значит, быть с нею рядом для Достоевского было равнозначно пытке?

Перипетии любовного треугольника прослеживаются в истории Акульки (4; 167-170). Она тоже - меж двумя соперниками, как и Исаева. Причем один из соперников похваляется перед другим, что спал с ней, и что оказалось не правдой. Но ведь и Достоевский намекал в своих письмах, что имел от Исаевой некие "доказательства" любви еще при живом муже в Семипалатинске. И, возможно, тоже как бы "бахвалился" - без всяких на то оснований, по аналогии с сюжетом "Записок"? Потому что Акулька в "Записках" оказалась "честной". Так, возможно, Исаева тоже была такой, и все разговоры о её изменениях порождены Достоевским либо вымыслом из ревности, либо - её расстроенной нервной конституцией, когда она, желая унизить Достоевского, на саму себя возводила напраслину? Сомнения же Достоевского в честности Исаевой могли породить массу "романных" персонажей, в коих Исаева угадывалась, но - то оправдывалась, то обвинялась.

"Жену-то уволокли..."

В "акулькиной" истории, правда, прослеживается еще одно сходство с фактами совместной жизни Достоевского и Исаевой (если, конечно, таковыми считать то, что изложено его

дочерью в книге). Потому что своего бывшего хулителя (который, тем не менее, на её честь не посягнул) Акулька вдруг ни с того, ни с сего "полюбила больше света". Так не то же ли самое случилось и с Исаевой? Да, любила Вергунова, но любила платонически, а после венчания о Достоевским и после приезда Вергунова, в Семипалатинск поняла - что вышла замуж - да не за того? И не оттого ли Достоевский в "Записках" умертвляет Акульку, поскольку ненавистна ему в той же мере, что и Исаева? Причем расправляется с Акулькой садистски: "голову-то ей загнул назад да как тилисну по горлу ножом..." - свидетельство тому, что ненависть к первой же не как никогда - жива...

И, наконец, последний в "Записках" момент, связанный с треугольником, а потому для нас особенно интересный. Речь идет о рассказе, который Достоевский планировал включить в "Записки", но по какой-то причине это намерение не осуществил (4; 233-234). Суть: *"надумал я жениться... и повенчали нас... А как до венца-то вышли мы с невестой... подхватили мою молодую жену под руки... и потащили... Ну, жену-то уволокли... обесчестили.*

Вполне актуальная для Достоевского аллегория: невесту крадут сразу после венца. Что так напоминает приезд Вергунова в Семипалатинск вслед за обвенчанными с явной целью продолжать связь с Исаевой.

Для соблазнителя Достоевский в "Записках" предусматривает жестокий, опять-таки садистский, финал, изложенный устами героя: "...Я прыгнул к нему да топором его прямо по самой голове... трах! Вот, мол, тебе за любовь... Так эти мозги-то с кровью и прыснули... упал и не вздохнул..."

С момента венчания минуло более трех лет - а Достоевский так и не может забыть Вергунова, на диво жестоко расправляясь с ним, что называется, "из романа в роман", и буквально "зациклившись" на мести и "треугольниках" - разных, но как будто писанных по одному сценарию...

Примечание: в скобках на источники, помещенные в тексте очерка в скобках, первая цифра означает номер тома Полного Собрания Сочинений Ф.М.Достоевского, а вторая – номер страницы.